

П. И. Лыкошин

Благотворительная Россия

Том 1. Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Л88

Л88 **Лыкошин П.И.**
Благотворительная Россия: Том 1. Часть 1 / П. И. Лыкошин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 342 с.

ISBN 978-5-518-04292-6

История государственной, общественной и частной благотворительности в России.

ISBN 978-5-518-04292-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ НА РУСИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Древніе славяне, жившіе простѣйшими формами родового быта, не знали того социальнаго неравенства, которое порождаетъ въ современномъ обществѣ богатство однихъ и бѣдность другихъ его членовъ.

Но уже съ первыхъ шаговъ жизни государственной Руси, вмѣстѣ съ ослабленіемъ патриархальныхъ формъ родового быта и переходомъ къ болѣе сложнымъ формамъ гражданственной жизни, скоро и неизбежно должно было появиться въ обществѣ такое дѣленіе. Больные и убогіе, сироты и дряхлые, неспособные къ труду и тунеядцы, не желавшіе снискивать пропитаніе собственнымъ трудомъ, должны были лечь бременемъ на средства общества и питаться или отъ даяній благихъ его членовъ, или умирать съ голоду. Бѣдность и нищета однихъ должна была породить благотворительность другихъ. Но прочный, обоснованный фундаментъ послѣдняя получаетъ только гораздо позднѣе, лишь тогда, когда проповѣдь дѣятельной любви къ ближнему раздалась среди народа.

Вмѣстѣ съ первыми лучами христіанства, проникшаго на Русь, должна была получить свое развитіе и благотворительность, какъ непремѣнное слѣдствіе проникнутаго христіанскимъ ученіемъ духа, въ основу котораго былъ положенъ завѣтъ Самого Христа „любите ближняго какъ самого себя“.

Евангельское ученіе о милостынѣ, слова Христа объ отношеніи къ ближнему: „блаженни милостивые, яко тѣи помилованы будутъ“, „продайте имѣнія ваша и дадите нищимъ“, „не скрываете себѣ сокровище на землѣ, идеже тля тлѣтъ и татѣ подкапываютъ; но скрываете себѣ сокровище на небесѣхъ, идеже ни тля тлѣтъ, ни татѣ крадутъ“, а также слова псалма „блаженъ мужъ милуя и дая“ и сказанное у Соломона: „вдаяй нищему — Богу взаимъ даетъ“ — вотъ тотъ фундаментъ, на которомъ создавалась, выросла и

окрѣпла русская благотворительность, тотъ источникъ дѣятельной доброты по отношенію къ ближнему, который легъ въ основу народнаго воззрѣнія на значеніе благотворенія и помощи ближнему „какъ брату во Христѣ“.

Церковь, съ амвона которой раздалась впервые проповѣдь любви и милосердія, постоянно поддерживала этотъ взглядъ въ князьяхъ и народѣ; вліяніе же ея на весь ходъ управленія молодой страной было громадно. Управление страной, бывшее въ рукахъ князя, должно было находиться въ прямомъ соотношеніи со взглядами церкви и ея представителей.

А церковь, уже на зарѣ русской исторіи, взяла подъ свое покровительство бѣдныхъ и убогихъ, зачислила ихъ уже по уставу Св. Владиміра въ число людей церковныхъ, къ которымъ принадлежали: игумень, попъ, паломникъ, слѣпецъ и хромецъ. (Уст. Св. Вл. Ср. Уст. Ярослава).

Убожество, немощь или старость, беспомощныя и въ то же самое время требующія настоятельной помощи, однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ способныя сильнѣе расшевелить даже черствыя сердца, естественно должны были скорѣе всего привлечь къ себѣ милостивцевъ и благодѣтелей.

Государство, въ лицѣ своего князя Владиміра, отнесло ихъ къ церковнымъ людямъ, назначило имъ пропитаніе отъ церкви. А такъ какъ церковные люди на Руси жили отъ приношеній и даяній благихъ, то этими же даяніями благими должны были жить и „слѣпецъ и хромецъ“. „Милостынькой честной“ на Руси поддерживались Божіи храмы, милостынькой созидались они и содержали себя черноризцы и попы, и этой же самой милостыней неоскудной, сыплющейся изъ рукъ благодѣтелей въ протянутыя руки убогихъ калѣкъ, должны были послѣдніе снискивать себѣ пропитаніе.

Государство само указало имъ этотъ путь. Церковь давала имъ пріютъ, строя богадѣльныя избы, но пропитаніе они должны были снискивать сами, или кормясь отъ церковныхъ приношеній.

Милостыня, оттого и называлась честной, что не была нисколько не зазорна для ея принимающаго, не говоря уже о дающемъ.

Бѣдность и нищета были понятіями однородными. Какъ бѣдность не считалась порокомъ, такъ и нищета не могла считаться наказуемымъ преступленіемъ. Слово „нищій“ вовсе не обозначало въ древней Руси того понятія, которое усвоено въ современномъ обществѣ. „Богатство и бѣдность отъ Бога“ говоритъ старая русская пословица.

Лѣтопись милостынѣ и милостивцамъ отводитъ видное мѣсто. Такъ, Св. Владиміръ, по лѣтописной характеристикѣ, былъ княземъ добрымъ, особенно расположеннымъ къ бѣднымъ и убогимъ. Такъ,

въ характеристикѣ Бориса и Глѣба, лѣтописецъ на первый планъ выдвигаетъ ихъ отношеніе къ нишей братіи; тоже мы видимъ и въ житіи пр. Ѳеодосія, приписываемаго перу пр. Нестора.

Наконецъ, князю Андрею Боголюбскому лѣтописецъ не можетъ не воздать похвалы за то, что послѣдній былъ „кормитель чернецамъ и черницамъ и убогимъ, и всякому другому званію былъ возлюбленный отецъ; больше же всего милостынею былъ милосливъ, слыша Господа говорящаго: что творите братьѣ меньшей моей, то мнѣ сотворите“...

„Андрей, читаемъ далѣе въ той же ипатьевской лѣтописи, велѣлъ во всѣ дни возить по городу брашно и питье различное больнымъ и нищимъ на потребу: „и, видя нищихъ приходившихъ къ нему, одѣлялъ каждаго, думая: а что если Христосъ пришелъ испытать меня и также ласково — добавляетъ лѣтописецъ — принималъ всякаго просящаго, помня завѣтъ Христа, исполняя его въ своемъ сердцѣ подобно св. Владиміру“.

Подобный же взглядъ мы видимъ высказаннымъ во всей полнотѣ, человѣкомъ стоявшимъ не только на верху благочестія вѣка, но и бывшимъ разительнымъ примѣромъ для своихъ современниковъ и близкихъ къ нимъ потомкамъ. Это былъ Владиміръ Мономахъ. Его поученіе къ дѣтямъ, обнимающее, согласно этикѣ своего времени, всѣ обязанности человѣка вообще и князя въ частности, имѣетъ для нашей задачи огромную цѣну. Религія, семья и общество все затронуто здѣсь, въ этомъ „первообразѣ“ русскихъ Домостроевъ.

„Страхъ имѣйте Божій въ сердцѣ и милостыню творите неоскудную, потому что здѣсь начало всякому добру“ — таковы вступительныя слова этого памятника, являющагося единственнымъ памятникомъ древнѣйшей русской письменности, и принадлежаго перу не духовнаго писателя, не монаха, но запечатлѣннаго, безспорно, сильнымъ вліяніемъ церкви, каковое она, дѣйствительно, имѣла на Руси на выработку всего міровоззрѣнія князей, бояръ и народа.

„Тремя добрыми дѣлами побѣждается врагъ нашъ дьяволь, — продолжаетъ Мономахъ, — покаяніемъ, слезами и милостыней. Бога ради не лѣнитесь, дѣти мои, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ; они не тяжки: не одиночество, не чернечество, не голодъ, которые терпятъ нѣкоторые добродѣтельные люди; такимъ малымъ дѣломъ можете вы получить милость Божию“...

„Больше же всего не забывайте убогихъ, но сколько можете по силѣ кормите“...

„На дорогѣ, или гдѣ остановитесь, напоите, накормите нищаго, особенно же чтите гостя, откуда бы онъ къ вамъ не пришелъ, про-

стой, или знатный человекъ, или посолъ; если не можете чѣмъ инымъ одарить его, то угостите хорошенько: странствуя, они разносятъ по всѣмъ землямъ хорошую или дурную славу о человекѣ. Больного навѣстите и къ мертвому ступайте, потому что мы всѣ смертны“...

Мономахъ, подобно солнцу, по образному выраженію летописца, просвѣтившій русскую землю, былъ въ глазахъ потомковъ и современниковъ идеаломъ настоящаго „братолюбца и нищелюбца“.

Но было бы странно предполагать, что великія истины христіанскаго ученія могли сразу стать достояніемъ всей массы новообращенныхъ, принявшихъ крещеніе по повелѣнію князя, и если не противившихся послѣднему, то не по одной только любви къ новой вѣрѣ, но и по страху, такъ какъ, говоритъ церковный витія XII вѣка, „благовѣріе въ немъ (Владиміръ) соединено было со властію“.

Христіанство, пустивъ свои корни среди народа невѣжественнаго, жившаго еще первобытной жизнью, было воспринято болѣе по формѣ, чѣмъ по духу. Слово закона было яснѣе, чѣмъ духъ согрѣвавшій его. „Вѣра безъ добрыхъ дѣлъ, мертва есть“, учили апостолы и отцы церкви, и на Руси милостыня, раздаваемая направо и налево, безъ разбору, считалась дѣломъ добрымъ, душевспасительнымъ. Благочестіе, въ большинствѣ случаевъ, воспринятое болѣе наружно, чѣмъ вытекавшее изъ внутренней потребности проникнутаго христіанскимъ смиреніемъ духа, упрочивало въ народѣ понятіе, что раздачею милостыни можно искупать грѣхи, творимыя ежечасно.

Милостыня являлась не только добрымъ дѣломъ, актомъ, вытекающимъ изъ душевной потребности движимаго христіанскимъ милосердіемъ сердца, но и имѣла за собою очищающее значеніе, важное для души дающаго, необходимое для всей ея будущей жизни. Картина страшнаго суда, когда грѣшники пойдутъ въ муку вѣчную, а праведники въ рай, стояла неотступно въ глазахъ русскаго человека, знавшаго, что въ числѣ этихъ грѣшниковъ будутъ и тѣ, которые были немилостивы къ ближнему, не накормили алчущаго, не напоили жаждущаго, не одѣли нагого, не дали пріюта странному и бездомному.

Князья и бояре, стоявшіе на болѣе высокой степени умственнаго развитія, чѣмъ простой народъ, коснѣвшій въ бѣдности и темнотѣ, также неукоснительно вѣрили, что подаченіемъ милостыни и вкладами въ церкви и монастыри можно загладить и искупить совершенныя и совершаемыя прегрѣшенія, спасти душу отъ вѣчныхъ мученій.

Такимъ образомъ, милостыня являлась для большинства дѣломъ не столько душевной потребности, сколько результатомъ обрядности и суевѣрія. Успокоивши свою возмущенную, запятнанную неправеднымъ стяжаніемъ совѣсть копѣчной подачкой, или накормивъ отъ избытка своего десятокъ оборванныхъ и голодныхъ, благотворитель на томъ и останавливался, вполне вѣря въ полезность своего дѣла. Когда же мучительница совѣсть заговаривала сильнѣе въ моментъ послѣднихъ расчетовъ съ жизнью и смертью стояла лицомъ къ лицу, рисуя въ воображеніи „геену огненную“ и всю черноту совершенныхъ дѣлъ, то для успокоенія этой совѣсти, для избѣжанія этой геены огненной и искупленія своихъ порочныхъ дѣлъ, умирающей, какъ говоритъ позднѣйшій стихъ:

Сталъ имѣннице отписывать:
Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквямъ
Иное имѣнье нищей братіи.

При такомъ взглядѣ на благодѣтельность милостыни, послѣдняя естественно должна была получить самое широкое распространеніе. Въ пользу ея для спасенія души одинаково вѣрили богатые и бѣдные, князья и бояре. Слово „милостивецъ“ стало неизмѣнной лучшей характеристикой благочестивыхъ людей.

Бѣдность понятіе относительное.

Бѣденъ былъ русскій народъ въ своей массѣ, трудящейся за сохой. Но сочувствія именно къ такой бѣдности, помощи ей не знала древняя Русь въ лицѣ своихъ милостивцевъ и благодѣтелей.

„Кто не просить—тотъ не бѣденъ—вотъ ея девизъ.“

Проходя съ закрытыми глазами мимо бѣдности, помогали нищимъ. Необходимо было встать въ ряды послѣднихъ, протянуть за помощью руку, стать просителемъ Христовымъ именемъ, чтобы рассчитывать на помощь и сочувствіе. Проявленія крайней бѣдности проходили незамѣтными; нищій однимъ видомъ своихъ лохмотій, своего странническаго посоха влекъ на размышленія религіознаго свойства. Подъ вліяніемъ ихъ народное воззрѣніе нашло себѣ поэтическое выраженіе въ легендѣ о Христѣ, въ образѣ странника, ходившаго по русской землѣ и испытывавшаго души христіанъ просьбой о помощи.

Не ради униженной просьбы, не ради человѣческаго горя и страданій шла помощь къ нищему, но ради того великаго имени, которымъ она призывалась.

Бѣдность была обычнымъ явленіемъ жизни, нищенство исключеніемъ. Бѣдность плодилась и умирала, молчаливая и безотвѣтная, не находя себѣ ни помощи, ни поддержки, или перейдя роковую грань, отдѣляющую ее отъ нищеты, шла въ ряды нищей бра-

тіи, причислялась къ людямъ церковнымъ, къ молитвенникамъ за грѣшныя души дающихъ, возводилась въ своего рода подвигъ отреченія.

Монашество со своимъ обѣтомъ нестяжанія и отреченія отъ соблазновъ міра, поставившее добровольное нищенство идеаломъ своего служенія, отказывающееся отъ сокровищъ міра, способствовало, еще болѣе чѣмъ проповѣдь церкви, укрѣпленію взгляда на нищенство, легшаго въ корень возрѣній русскаго народа.

Монастырь являлся, такимъ образомъ, нагляднымъ примѣромъ „жизни во Христѣ“, а эта жизнь требовала главнымъ образомъ, какъ мы видѣли, обѣта нищеты и подвиговъ духовныхъ. Подобный монастырь былъ убѣжищемъ для всѣхъ неимущихъ, для всѣхъ гонимыхъ и обиженныхъ жизнью и судьбой, недовольныхъ земными радостями и ждавшихъ иныхъ радостей въ будущей жизни. Онъ пріобрѣталъ силу и значеніе въ глазахъ вѣрующихъ, такую силу и власть, что, какъ говоритъ одинъ изъ памятниковъ XII вѣка, „подвиги св. монаховъ сіяютъ чудесами больше мірской власти и ради ихъ мірскіе вельможи преклоняютъ главу свою предъ монахами“. „Бояре великокняжескіе, являясь сюда, сбрасывали боярскую одежду къ ногамъ игумена и давали обѣтъ нищеты и подвиговъ духовныхъ“. И не одни только мірскіе вельможи. Дочь Всеволода Ярославовича—Янка и дочь полоцкаго князя Георгія Всеславича—Предслава и жена князя Іоанна Всеволодовича, ушли отъ міра въ монастырь.

Но самый разительный примѣръ въ пользу власти, обаянія и силы монастырей мы видимъ въ лицѣ князя Святослава (Николая) Давыдовича Черниговскаго. „Три года пробылъ онъ въ поварнѣ монастырской, работая на братію, рубя дрова и нося на своихъ плечахъ съ берега въ монастырь; потомъ три года служилъ привратникомъ, наконецъ перешелъ жить въ свою келью, при которой развелъ свой садъ, и никогда во всю жизнь его не видали празднымъ“.

Нищенство по обѣту пользовалось сочувствіемъ и почетомъ, не только на Руси, но и на Западѣ, гдѣ въ XII вѣкѣ образовались цѣлые ордена монаховъ-нищихъ. Странниками и нищими монахами буквально кишѣла Византія.

На Руси уваженіе къ этой, дѣйствительно нищенствующей во Христѣ, братіи, распространилось на всѣхъ безъ исключенія нищихъ. И толпы ихъ тянулись сюда, къ стѣнамъ обителей, зная по опыту, что молитвенники за грѣшныя души вездѣ найдутъ себѣ пріютъ и грошевую подачку, зная, что русскій человекъ, размягченный молитвой и видомъ чтимой святыни, охотнѣе развязываетъ свою мощу для раздачи просящимъ Христовымъ именемъ. А постоянными

посѣтителами монастырей являлись не только благочестивые странники и простые смерды, но и самъ князь и бояре, болѣе широкой рукой раздававшіе нищимъ „святую милостыньку“, и нерѣдко отписывающіе въ пользу нуждъ монастырей и нищей братіи свои имѣнья. Милостыня, такимъ образомъ, закрѣпленная въ памяти народа проповѣдью сподвижниковъ и учителей, ихъ примѣрами и нашедшая въ себѣ условное подражаніе въ сильныхъ міра, рѣдко поднимавшихся отъ пониманія буквы проповѣди до уразумѣнія ея духа, освятилась въ глазахъ того же народа преданьями старины и обычая, вошла въ его плоть и кровь, и сдѣлалась обычнымъ и почти единственнымъ средствомъ для помощи всѣмъ нуждающимся и обремененнымъ, всѣмъ протягивающимъ руку и просящимъ помощи Христовымъ именемъ.

Всѣхъ ихъ—этихъ убогихъ просителей и милостивцевъ—видѣла не мало древняя Русь, и не мало было въ ней самой причинъ, способствовавшихъ къ развитію нищенства, какъ проявленію крайней бѣдности и выгоднаго промысла, надѣвавшихъ суму противъ воли людей и зачисляя ихъ въ ряды той же нищей братіи, раздѣленія членовъ которой, на дѣйствительно нуждающихся и вымогающихъ именемъ Христовымъ, не хотѣлъ знать благочестивый русскій нищелюбецъ и милостивецъ. Взаимодѣйствіемъ причинъ, подрывавшихъ въ корнѣ благосостояніе народа, очень мало интересовалась древняя Русь, но къ этимъ-то причинамъ намъ и придется обратиться теперь.

II.

Общественныя бѣдствія, неоднократно потрясавшія весь народный организмъ, не могли не способствовать размноженію настоящихъ бѣдняковъ, бездомной голытьбы молчаливо страдающей и молчаливо же умирающей на разоренномъ пепелищѣ собственныхъ домовъ и нивъ. А такихъ бѣдствій много видѣла на вѣку своемъ древняя, удѣльная Русь. Еще не успѣлъ сложиться и вылиться въ опредѣленные формы государственный организмъ страны, не успѣли замолкнуть кровавые раздоры князей, жестоко отражавшіеся на плечахъ народа, какъ новое бѣдствіе неожиданно, негаданно обрушилось на его голову и на сотни лѣтъ задавило и прибило молодые ростки, едва начинавшейся русской гражданственности. Это была татарщина.

Подобно грозной, тяжелой тучѣ обложила она русскую землю.

Кровь потоками лилась по русской землѣ, какъ обильная вода, напоивъ землю. Рисуя картину этого разрушенія, писатель XIII вѣка,

говорить образно: „князей и воеводъ повержена храбрость, и бывшіе храбрецы, исполненные страха, бѣжали. Множество же братій и сыновей отведены въ плѣнъ. Сельскіе дворы травой поросли, и земля русская стала достояніемъ иноплеменниковъ, поношеніемъ для живущихъ въ ней и предметомъ насмѣшки для враговъ“.

И мы можемъ въ слабой степени возстановить въ своемъ воображеніи эту ужасную картину тоски и унынья, объяввшихъ Русь. Все спалено огнемъ, истреблено мечомъ, и печать насилія, дикаго разгрома покоится на обездоленныхъ поляхъ, въ покинутыхъ селеньяхъ.

Но какъ ни страшна была татарщина, какъ ни тяжело было ея иго для народа, еще до сихъ поръ отзывающееся на Руси, но не менѣе страшны, чѣмъ она, были постоянныя усобицы князей тяжелымъ гнетомъ ложившіяся всецѣло на плечи тому же народу.

Неустройство полное во внутренней жизни древней Руси рисуетъ намъ печальную картину, способствовавшую къ обѣдненію страны и народа и богатству лишь отдѣльныхъ личностей.

Пожары, истребляя послѣднее имущество жителей, обрекали множество народа на странствованіе по міру; но не одни пожары и татарщину испытала на себѣ удѣльная Русь въ ея тяжелый пятнадцатый періодъ существованія. Были бѣдствія и почище. Если отъ пожаровъ страдали равно и бояринъ и простой смердь, если они были грозной стихіей для всѣхъ равной и неумолимой, то былъ еще другой бичъ, тяжесть ударовъ котораго всецѣло ложилась на спину бѣдняка. Это былъ — голодь, страшный гость, посѣщавшій неоднократно сѣверную Русь и вѣроломно обрекавшій на вѣрную, неминуемую смерть бѣдняковъ и дававшій однимъ богатымъ быстрое обогащеніе.

При слабомъ развитіи общественности, помощи ждать было неоткуда; торговля ограничивалась исключительно мѣстнымъ райономъ и, благодаря постояннымъ междоусобицамъ, никакого подвоза извнѣ почти не могло быть. Мѣстные купцы, раздававшіе копѣечную милостыню нищимъ, считая ее добрымъ, спасительнымъ для души дѣломъ, теперь, въ годину бѣдствія не дремали, и цѣны на хлѣбъ росли все выше и выше. Народъ, обезсиленный, ожесточенный, питался березовой корой, мохомъ и падалью и умиралъ, какъ умираютъ мухи осенью, цѣлыми толпами. Жизнь и свободу отдавали за кусокъ хлѣба, идя въ заложники и холопы къ боярамъ. Болѣе сильные, болѣе предприимчивые покидали негостепримную, хотя и родную, страну, и ватаги голодныхъ, оборванныхъ людей шли по дорогамъ, направляясь въ чужія земли, побираясь Христовымъ именемъ, не брезгуя воровствомъ и нападеніемъ на сытыхъ купцовъ.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица

АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА.

